

18+

Соль и Вино

Альда Дио

Палаццо. Романы о грешной любви

Альда Дио
Соль и вино

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дио А.

Соль и вино / А. Дио — «Эксмо», 2026 — (Палаццо. Романы о грешной любви)

ISBN 978-5-04-252252-9

Чувственный исторический любовный роман, полный страстей и приключений. Добро пожаловать во Флоренцию — обитель пороков и соблазнов, где за маской благочестия скрываются опасные желания. Клариче, единственная наследница тосканской винодельни, приезжает сюда, чтобы найти мужа и сохранить семейное дело. Но блистательная Флоренция быстро раскрывает свою истинную природу, затягивая ее в водоворот интриг. Среди претендентов на руку знатной донны — будущий священник и юноша, поразительно похожий на ее погибшего брата. Среди местных загадок — личность таинственного пирата, о котором шепчутся на каждом углу. Когда тайны прошлого начинают всплывать одна за другой, Клариче понимает: за право распоряжаться своим будущим ей придется заплатить куда более высокую цену, чем она представляла... «Этот роман оказался для меня настоящим открытием! Я ожидала историю о муках сердца, а погрузилась в атмосферу Флоренции эпохи Возрождения, полную пиратских приключений, семейных тайн и запретных искушений. Ярко, сочно и по-итальянски страстно!» — Катерина Кавалье, автор романа «Хозяйка сада черных роз»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252252-9

© Дио А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альда Дио

Соль и вино

© Дио А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Дорогие читатели!

Все, что вы прочтете далее, основано на событиях столь же правдоподобных, насколько слухи в портовых кабаках могут считаться надежным источником.

Часть персонажей могла существовать, часть – упрямо отказывается это признавать, а некоторые и вовсе уверяют, что не имеют к происходящему никакого отношения, ибо весь год предавались венецианским пирам.

Любые совпадения или расхождения с реальными людьми, местами и событиями лишь игривая вольность в обращении с историей, которая, как известно, любит прихорашиваться перед потомками (а перед таким читателем грех не принарядиться!).

Приглашаю вас оценить ее старания без пытливого прищур и помнить, что Флоренция сама по себе превосходит любой мечтательный вымысел.

А теперь – пора! Вино давно разлито по бокалам, а солнце уже взошло над озером Санта-Луче...

Пролог

Тоскана, XVI век

Солнце...

Солнце было столь ярким в тот день!

Зеленые холмы Тосканы подставляли ему бока, чтобы румянить крупные ягоды винограда, и оно щедро поливало их лучами – так же щедро, как местная кухарка сдабривала картофельную фокаччу оливковым маслом.

Именно оно стекало с губ донны Висконти: смачно причмокивая, мать семейства уплетала лепешки с таким удовольствием, что платье, уличный столик, тонкие пальцы и даже грива черных кудрей – все было в оливковом масле.

Хоть синьора не питала любви к тяжелой пище, нынче, в ожидании четвертого ребенка, ей казалось, что она сможет поглотить фокаччу размером с озеро Санта-Луче, где семья Висконти и решила провести тот жаркий день.

– Будет мальчик, – шепнул синьор Висконти, завороченно вытирая пальцы жены. – Неумный аппетит в такую удушливую жару – подобное было, только когда ты носила Лоренцо, любовь моя.

– Господь слышит твою волю, Марко, но... Как же жарко... Будет девочка. Я чувствую это. – Синьора с тяжелым вдохом запрокинула голову, и кудри скользнули по спинке стула упругими змейками. – Оно и к лучшему. В моем сердце не осталось места для еще одного сына – не могу представить, что сумею полюбить его так же сильно, как Лоренцо и Антонио.

– Я буду счастлив любому исходу, но... дело Висконти процветает, виноградники плодоносят, Господь благоволит нам, ибо даже французы стали закупать наши вина, что уж говорить о Венеции и Риме. Нам нужно много наследников. – Он припал к ее пальцам жадным поцелуем, из-за чего и на его усах заблестело оливковое масло.

– Вот и рожай их сам, – усмехнулась синьора Висконти. – Не хочу быть как бабушка. Или прабабушка. Или прапрабабушка, или... В общем, хватит с меня и четвертой беременности.

Она погладила округлившийся живот. Всякий раз, будучи на сносях, синьора клятвенно обещалась: этот ребенок – последний, и всякий раз забывала свою клятву в тот же миг, как новорожденное дитя касалось ее груди.

– Неужели отринешь величайший дар? Во всей Европе едва ли сыщется род более плодотворный, чем твой, любовь моя!

– А что толку?

– Как что? Милость Божья! Лоза без винограда лишь хрупкая ветвь, но чем больше она плодоносит, тем крепче становится. Я знаю, о чем говорю, раз уж Господь не дал мне братьев и сестер. И, помимо Божьей милости, большая семья – это большое влияние.

– Какое влияние? – устало протянула синьора, не открывая глаз. Духота вкупе с плотным обедом так утомили ее, что даже на споры с мужем не осталось сил. – Когда родных сестер и братьев нет, а двоюродных и троюродных больше двух десятков, даже их имен не упомнишь, не то что положения дел. Ты видел, чтобы я держала связь с кем-либо из своей многочисленной родни? С Джулианой разве что, упокой Господь ее душу, и с этим варваром Алонзо, который, должно быть, уж и сам давно почил... Нет, у моих детей все будет иначе. Два прекрасных брата, Лоренцо и Антонио, и две сестры – Клариче и... – Она задумчиво погладила живот.

– Позволь назвать в твою честь, если будет дочь. Маддалена. – Имя жены Марко выдохнул с трепетом.

– Ну уж нет! Мы закончили это обсуждение после рождения Клариче. Маддалена в роду должна быть одна – единственная и неповторимая, мать Лоренцо Великого, что принесет роду Висконти процветание и распространит его влияние далеко за море.

– Амбиции – путь к звездам. Главное, чтобы они не шли наперекор разуму. – Добродушный тон Джованни Висконти – отца Марко и свекра Маддалены – смягчил мудрые слова.

Водрузив на стол графин рубинового вина, дедушка сел подле детей.

– Лоренцо – славный мальчик, – сказал Джованни, разливая прохладный напиток. – Но у него нет моего носа, Маддалена. Нет нюха.

– Вы только и знаете, что твердить о своем носе! – вспыхнула невестка. – Мальчику всего семь, но он сообразителен и активен не по годам, ласковый, добрый, воспитанный! Лучший наследник, какого можно желать! Откроется в нем знаменитый нюх Джованни Висконти, только позже! Всему нужно время!

Джованни не ответил, но позволил себе несогласно хмыкнуть в седые усы.

Годы были милосердны к дедушке Висконти – к почтенному возрасту он сохранил завидное здоровье, чтобы видеть, как растут внуки и процветает винодельня. Все в его жизни сложилось благополучно, и всем он на старости лет был доволен, кроме одного.

Его сыну не передался нюх.

Нюх рода Висконти, о котором слагали легенды по всему Риму, которому удивлялся даже отец Святой Церкви, не достался Марко. Марко не мог определять сторону склона, на которой вырос виноград, по одному лишь запаху. Марко не умел высчитывать необходимые для брожения месяцы по аромату виноградной кожицы, растертой меж пальцев. Марко не мог с закрытыми глазами определить, в какой бочке выдерживалось вино. Да, Марко был безупречным счетоводом и образцовым семьянином, но... Для винодельни этого недостаточно. Джованни знал это. Быть может, поэтому здоровье его оставалось столь крепким в пожилых годах – дедушка Висконти отказывался отходить от дел, не видя достойной замены. Зато он ясно видел, что и старшего внука – Лоренцо, любимца Маддалены – семейный дар обошел стороной.

– Что ж, с именем решим позже, – сказала невестка, отвлекая дедушку от размышлений. – Главное, чтобы девочка получилась такой же симпатичной и кроткой, как и ее сестра.

В тот же миг, как Клариче окрестили кроткой, ее пронзительный визг сотряс весь берег озера Санта-Луче.

– А-а-а! Не успел дотронуться, Антонио, не успел! Лоренцо! Лоре-е-енцо!

Позади дома, там, где цвели пышные сады и всегда пахло лимонными деревьями, разворачивалась совершенно иная картина.

Единым ворохом сбегали с холма трое резвых детей в самом неблагопристойном виде.

Старший, Лоренцо, с ног до головы был запачкан темным соком – он знал виноградники лучше всех, а потому легко прятался там от брата и сестры. Платье Клариче пестрило зелеными и бурыми пятнами – девочка скрывалась за кустами, припадая к земле, – черные волосы растрепались и теперь хаотичным облаком оттеняли светлую кожу. Рубаха младшего, Антонио, и вовсе была порвана по шву рукава – так отчаянно он тянулся сквозь колючие веточки, чтобы запятнать сестру. Со всех троих ручьями стекал пот, дыхание вырывалось из груди прерывисто, ибо бегать по жаре да при таком солнце – занятие не из легких.

– Он не коснулся меня! Он должен водить! – пожаловалась Клариче старшему брату. – Скажи ему, Лоренцо!

– Дотронулся, еще как! Да я тебя из кустов вытянул!

– Хватит кричать, не то родители услышат, – шикнул Лоренцо. На правах старшего он часто судил детские распри и старался быть не по возрасту справедливым. – Коли вы по-разному говорите, а я вас не видел, водить будет тот, кто еще этого не делал. Согласна, Клариче?

Девочка недовольно поджала губки. Прятаться ей нравилось гораздо больше, чем искать, но раз ее любимое место в кустах обнаружили...

– Хорошо, так и быть. Но чур в виноград не лезть, Лоренцо, меня папа ругает, если туда хожу!

Хоть Клариче и полагала, что отец делает это исключительно из вредности, на самом же деле малышка могла так легко затеряться в лабиринтах ароматных лоз, что искать ее пришлось бы всем домом.

– Договорились, – подмигнул брат, и Клариче отвернулась, закрыв глаза ладошками.

– Один, два, три...

Дети с топотом разбежались врозь.

Лучи солнца, наблюдавшего за их играми, поблескивали на детских макушках. Они тянулись сквозь тенистые заросли лимонных деревьев и сочную зелень садов, где решил укрыться Антонио, и проследовали за Лоренцо, чья фигурка успела добежать до берега Санта-Луче. Малыш завертел головой в поисках укрытия – деревьев, выступов или валунов, но берег был гладок и чист, единственная липа – тонка, а сестра уже заканчивала отсчет.

Где бы спрятаться? И чтобы Клариче не нашла, и чтобы не сжариться без тени... Мальчик сморгнул пот, стекающий на ресницы.

Солнце.

Солнце было столь ярким в тот день.

Оно подсвечивало прохладные воды озера. Танцевало на его ряби задорными искорками, вспыхивая у ног старшего сына Висконти, когда тот разувался. Тянулось лучами в лазурные глубины, манило его туда – в ослепительную прохладу, обещающую освобождение от жары летнего дня.

Сестра никогда не найдет его здесь.

– Десять! Я иду искать!

Лоренцо ускорил шаг, погружаясь в прохладную воду. Она так заботливо остужала, так ласково обнимала тоненькие колени, ребра, плечи, шею... Набрав в грудь воздуха, он погрузил в воду и голову, которую успело напечь беспощадное солнце. Озеро поглотило его.

– Лоренцо? Лоренцо, ты тут?

Даже под толщей воды голосок сестры прозвучал пугающе громко. Перестав чувствовать под ногами дно, Лоренцо нырнул глубже – туда, где даже сквозь прозрачные воды Клариче его не увидит.

И Клариче не увидела.

Не увидела ни удаляющейся фигурки брата, ни спрятанных за липой сандалий, а потому, не удостоив искрящуюся гладь и взглядом, прошла дальше – в обход белокаменного дома.

Ее туфельки приминали траву, стучали по брусчатой дорожке, неслись по гранитным ступеням, огибали родительский стол, бежали все дальше, и дальше, и дальше... Пока, сделав круг, не вернулись к садам. Отчаянье поднималось все выше в детской груди, и Клариче была готова расплакаться от беспомощности – прошло столько времени, а она так никого и не нашла! Девочка вновь пробежалась мимо ухоженных клумб и ветвистых кустов, еще раз вдохнула свежий запах лимонов, прокричала имена братьев, но не услышала ответа.

Только всплеск воды. Резкий, раздражающий знойный воздух всплеск.

– Ага! Я слышу! Слышу вас!

Волнение тут же вспорхнуло с плеч, и Клариче пустилась к озеру Санта-Луче. Всплески еще несколько секунд звучали в такт ее бегу, пока совсем не стихли.

– Я все слышала! Я сейчас... сейчас найду! – запыхавшись, кричала она. – Антонио! Лоренцо! Я слышала! Я...

Туфельки замерли на тонкой полоске песчаного берега, отделяющего траву от озерной глади.

Клариче прищурилась и прикрыла глаза ладошкой, отгораживаясь от всевидящего солнца.

Оно было столь ярким в тот день.

Столь ярким, что всплывший над водой затылок светился в его лучах золотым нимбом.

– Лоренцо! Лоренцо?..

Брат не отвечал.

Что-то неестественное, незнакомое сковало ее тело. Клариче вдруг стало так холодно, как если бы солнце и вовсе никогда не обращалось к холмам Тосканы, как если бы это она лежала в озерных водах лицом вниз. Но то не она лежала. Это был ее брат. Лоренцо – старший наследник и любимец ее матери. Он лежал, недвижимый и промокший, а пара его сандаликов продолжала одиноко стоять подле тонкой липы.

Оглушительный, страшный вопль пронзил берег озера Санта-Луче в тот день.

В день, когда столь ярко светило солнце.

Глава 1

Семнадцать лет спустя

Густой запах винных погребов был мне милее всего. Сладковатый, тяжелый и дурманящий, он убаюкивал, даровал ощущение спокойствия и мира. Здесь, под низким сводчатым потолком, в полумраке, рассеиваемом лишь редкими огоньками свечей, я была на своем месте.

На винодельне. Дома.

Если бы не два десятка испуганных рабочих, было бы совсем славно – мужчины портили аромат погребов, примешивая к нему соленый запах пота и мешковины. На миг мне показалось, что даже их страх пахнет чем-то кислым, а потому решила покончить с проверкой скорее.

Я подняла свечу вровень с бокалом, чтобы оценить цвет вина.

Темно-рубиновый. Прозрачный. Глубокий. Как и должен быть. Запах... Насыщенный. Тяжелый. Как и должен быть. Вкус...

– Мне показалось, что брунелло горчит, мадонна.

Голос Паоло разрезал напряженную тишину. Из всех рабочих только виноградарю хватало смелости глядеть на меня прямо; оно и неудивительно – для остальных я была хозяйкой, негласной «принцессой Тосканы», а для Паоло все еще оставалась малышкой, которую дедушка когда-то привел на винодельню за ручку.

– С ягодами не было проблем – «санджовезе» собрали в срок с солнечной стороны холма, до отжима вкус был отменный, – отчитался виноградарь.

Я не сомневалась в правдивости его слов. Не только из-за долгих лет службы, но и потому, что он знал: мой нос невозможно провести.

Головы рабочих поднялись в нервном нетерпении, когда я сделала небольшой глоток. Напиток в ту же секунду благодарно раскрыл свой букет, и я подалась ему навстречу.

Ну здравствуй, милый брунелло!

Он закружил меня в яркой вишне – свежей, как весенний дождь, и кислой, как первые ягоды, собранные до поры созревания. Взрывался крошечными искорками радости и предвкушения мягкого послевкусия. Я прокатила вино на языке – цветы, слива... Сладкая, возможно, чуть больше, чем необходимо, но допустимо для озорника брунелло. Я провела языком по нёбу, а затем слегка постучала по нему, впитывая глубину напитка.

Скрепостью все в порядке, с консистенцией – тоже. Но вкус...

Стоило проглотить вино и ощутить послевкусие во рту, как открылось нечто инородное. Нечто странно-соленое, холодное и...

Железное?..

Взгляд вспыхнул над ободком бокала озлобленной молнией. Мужчины замерли, но боязливый вздох все равно пустился по рядам беспокойной рябью – десятки рослых мужиков трепетали пред вердиктом хозяйки.

Бокал опустился на стол с резким стуком. Я взглянула на Паоло, и он понял без слов – протянул листок, исписанный косым почерком. Список драгоценных вин, которых коснулось несчастье, был невелик. Для всех использовались разные сорта винограда, ягоды собирались с разных холмов и в разное время. Но было и нечто общее.

Все вина закатали после осени.

Хруст сминающегося листа заставил одного из рабочих вздрогнуть. Я сжала челюсти, прежде чем заговорить сквозь зубы:

– Бондаря. Живо.

Еще до того, как ко мне приволокли низкорослого мастера по изготовлению бочек, я почувствовала запах его пота.

– Мадонна Висконти! – Бондарь поклонился в пояс, подставляя бликам свечей лысеющую макушку. – Чем могу служить?

– Осенняя закатка. Что изменил?

– Не понимаю, хозяйка. Бочки собирали как и всегда – из дубовых досок, обожженных да...

– Обручи. Из чего?

– Из меди, мадонна...

– Заклепки?

– Заклепки стальные, но так всегда ведь б...

– Как долго сушил доски?

– День и ночь, дождливая неделя стояла тогда, если помните...

Ярость пронзила грудь лезвием заточенного клинка. В два шага оказавшись перед мужчиной, одной рукой я вздернула его подбородок, а второй залепила хлесткую пощечину. Громкую. Звенящую.

Ладонь вспыхнула болью. Хлопок эхом разлетелся по погребу, заставив рабочих пугливо ахнуть.

– Болван! Лишние часы сушки съедают толщину доски, из-за этого стальной вкус заклепок просочился в вино. Паоло! Рассчитать и увести. Найти нового бондаря.

– Как прикажете, мадонна.

Мужчина кому-то кивнул, и недовольного виновника уволокли с глаз долой. Остальным не потребовалось приказа – и взгляда было достаточно, чтобы мужики разбежались, оставив меня наедине с виноградарем.

– Что прикажете делать с вином, мадонна? – спросил он, потирая седую бороду.

В Рим оно больше не годится. Выливать – в убыток. Как бы поступил дедушка?..

Я опустила глаза на складки траурного платья, поверх которого белел передник, и вытерла об него ладонь, чтобы избавиться от запаха бондаря.

– Венеция, – прошептала себе под нос, прежде чем поднять глаза. – Вино перелить, оставить бродить, чтобы захмелело и крепчало до зимнего корабля – это перебьет вкус стали. Половину отправить венецианским легионам. Вторую половину послать папской армии как рождественский подарок защитникам святой веры. Поставку в Рим задержать, но добавить десять бочек монтепульчано и по бочке всех семи видов из «санджовезе».

Паоло поджал губы в ухмылке. Скрестил руки на груди, глядя на меня с теплой отеческой гордостью.

– Дай принцессе Тосканы партию отбракованного вина, она и сделку не сорвет, и папской армии честь окажет. Вы истинная внучка своего деда, мадонна.

Спасибо, Паоло. Вино – единственное, что у этой самой «принцессы Тосканы» осталось.

Кивнув его словам, я безмолвно покинула погреб.

Мечтам о полуденном отдыхе не суждено было сбыться – не успела я ступить на лестницу особняка Висконти, как навстречу выбежала Контессина.

Маленькая пышнотелая кормилица выглядела растрепанно – седые волосы торчали в разные стороны, ворот платья загнулся назад, морщинистые пальцы подрагивали. Она порывисто обняла меня, обдав запахом свежего хлеба и масла.

Не к добру.

– Клариче! Клариче, милая, что же ты так задержалась? Они... – Контессина обернулась на вход в особняк, прервав боязливые бормотания. – Они здесь, Клариче.

Тон кормилицы не испугал, ибо она страсть как любила поддаваться излишним тревогам, а затем терзаться от них. Но вот слова были действительно страшны: кто посмел прибыть к Висконти без приглашения, да еще и в момент ее отсутствия? Контессина молчала, лишь крепче сжимая мои плечи, вынуждая говорить вслух:

– Кто «они»?

– Синьор Ринальди. – Сердце упало в желудок. – Синьор Бертоллуччи, синьор Россо с сыновьями, синьор Сальвини и Бонатти, старший Пацци и Марчетти и еще...

Чем больше фамилий перечисляла Контессина, тем холоднее мне становилось. Тело каменело под звуками ее голоса, обращаясь бездвигательной статуей.

Они все здесь. Все разом пришли за мной. Так скоро! Я знала, что это случится, но не думала, что сейчас! Траур по Антонио закончился всего год назад, я думала, у меня есть время!

– Я сказала, что ты раньше вечера с винодельни не воротишься, но они отвечали, что подождут! Что вопрос отлагательств не терпит! Неслыханная наглость! А что я могла им противопоставить, Клариче? Да разве несчастная кормилица Контессина может хоть слово поперек сказать, если достойные мужи Тосканы собрались, чтобы выдать тебя замуж?

Замуж...

За что Господь забрал твою душу, Антонио? Зачем меня сделал наследницей – а заодно и завидной тосканской добычей? Разве же не очевидно, что эта ноша мне не по плечу?

Глаза закрылись. Рука сама взметнулась к груди и сжала прохладный крест.

– Ты всегда знала, что этой судьбы не миновать, милая. Единственная наследница, богатейшая невеста к северу от Рима... Прошу, давай выслушаем их? Лишь выслушаем, быть может, они предложат порядочного синьора, который тебе по сердцу придется? Умоляю, не гони их, Клариче, сделай что должно. Ради семьи. Ради продолжения рода Висконти.

Сделать что должно. Я всегда делаю то, что должно.

– Ради семьи. – Голос проскрипел хуже ссохшихся половиц. – Предложи синьорам вина с домашнего виноградника, покрепче. И прикажи страже быть начеку.

– Страже?

– На всякий случай.

На случай, если кто-то решит женить на себе принцессу Тосканы нечестным путем.

В начале траура письма мессиров были уважительны и полны соболезнований, но чем дольше я тянула с решением о замужестве, тем тон их становился настойчивее, а слова – резче. Я предполагала, что рано или поздно придется столкнуться с ними лицом к лицу, но надежда – сладкая отравка! – твердила, что время еще есть.

И даже теперь оно не вышло. Шанс остается. Если сделаю все правильно, если передам мессирам последние слова Антонио, выиграю еще. Брат знал лазейку, позаботился обо мне даже на смертном одре.

– Хорошо. Хорошо, Клариче, пойдем... И прошу, милая, – морщинистая ладонь погладила мою щеку, – не молчи. Они не узнают, что у тебя на сердце и уме, если будешь молчать.

Легко сказать.

Взяв Контессину под руку, я направилась в дом. В дом, обратившийся для меня львиной пастью.

Я наказала служанкам заплести мне волосы потуже, платье выбрала самое закрытое из всех, что имелись, – ворот его кончался у самых мочек. Тешилась мыслью, что, ежели покажусь старше почтенных двадцати двух лет, страстное желание взять меня в жены поутихнет.

Глупости. Даже будь я дряхлой старухой, богатства Висконти с лихвой искупили бы этот недостаток. Вся надежда на твои слова, Антонио.

Поцеловав крест покойного брата, я перекрестилась, и двери парадного зала с громким гулом отворились. Я предстала перед именитыми мужами Тосканы с гордо поднятой головой и решительным блеском глаз – так, как учил меня дедушка.

С десяток мужчин и юношей подскочили со своих мест и спешно поклонились. Запахи их кожи, волос, бархатных одеяний и хлопковых рубаш были столь резки и неестественны в родных стенах, что почти перебили аромат вина.

И это злило так же сильно, как их бесстыдное заявление ко мне домой.

– Достопочтенные мессеры, – подобралась я, силясь скрыть горечь гнева за сладостью обращения. – Большая честь принимать вас в имении Висконти, я благодарю за оказанную мне радость. Чем обязана вашему появлению?

– Мадонна Висконти. – Пожилой Ринальди, что был другом отца, приблизился и поцеловал мне руку. От него пахло крепким вином, сыром и мускусом. – И для нас большая честь быть принятыми в вашем доме, благодарим за гостеприимство и вино. Поистине слава Висконти оправданна.

Чтобы поднять уголки губ в улыбке, пришлось напрячь все мышцы лица – давно я не улыбалась.

– С вашего позволения, я буду говорить от лица семейств Тосканы, что прибыли сюда лишь из искреннего беспокойства о вашем будущем. – Мужчины за его спиной закивали. – Оставшись одна, без протекции отца и брата – упокой Господь их души, – вы лишились возможности распоряжаться винодельней, пока не выйдете замуж. И мы здесь, чтобы помочь вам выбрать наилучшего кандидата.

Каков лицемер. Своего сына, полагаю, предложит первым?

– Мы ждали год после окончания траура, но дальше так продолжаться не может. – Он приблизился и понизил голос так, чтобы другие не слышали. – Подозрительные вести пришли из округа Пизы – о сыне Ломбарди, который собирается в наши края с отрядом наемников. А по деревням и вовсе молва бежит, что ежели донна затворничает, да по погребам пропадает и вино настаивает...

Его слова будто изнутри ошпарили – изумленный взгляд впился в лицо синьора Ринальди с немим криком: *«Это безумие! Я не колдунья!»*

– Знаю, мадонна, это глупые слухи, но девушке вашего положения нельзя оставаться незамужней. Это опасно, Клариче, кто-то нечестный может покуситься на богатства Висконти, пока вы беззащитны. В память о дружбе с покойными Марко и Антонио мы подготовили список самых честных мужей: все из титулованных фамилий, обеспеченные, все – дети тосканских лугов и их порядочных нравов. Пожалуйста, Клариче... Позвольте помочь вам.

Сердце заколотилось чаще, и я сжала в руке прохладный крест.

Не подведи, Антонио.

– Достопочтенные синьоры! – сказала я как можно громче, обходя Ринальди и приближаясь к центру просторного зала. – Сердечно благодарю вас за беспокойство о моей судьбе – отраднo знать, что Тоскана не оставляет своих детей в час неопределенности. Тоска по покойному брату вынудила меня отложить вопрос замужества на неопределенный срок, но теперь, видя вашу заботу, я готова решить его. Здесь и сейчас.

Изумленный шепот облетел зал. Лица мужчин расправлялись в улыбках одно за другим, и каждый из них, я убеждена, лелеял надежду, что именно его письмо растопило каменное сердце донны Висконти и склонило к браку с его фамилией.

Я сглотнула горечь слов, что собиралась произнести.

– Я выйду замуж. Объединю свое честное имя и богатства тосканских виноградников с человеком достойным. Но ваша помощь мне не требуется. – Улыбки потухли быстрее, чем зажглись. – После смерти брата забота о моем будущем должна лечь на плечи ближайшего родственника, не так ли?

– Так, мадонна, но у вас же нет никаких...

– Есть. Вам, должно быть, известно, что моя матушка, покойная Маддалена Висконти, была из плодовитого рода. Хоть родных братьев и сестер у нее не было, но двоюродных и троюродных – больше десятка, и с одним из них она держала связь – его имя дошло до моего брата, а затем и до меня. Последней волей покойного Антонио Висконти, которую он изъявил на смертном одре, было найти моего двоюродного дядю и поручить ему заботы о моем замужестве. Неужели вы примете на себя грех перечить последней воле покойного друга?..

Голос сорвался. Сердце нещадно лупило меня в ребра – так непривычно было много говорить.

– Дядя?.. – Ринальди встал передо мной, ошарашенный и потерянный. – И кто же он? Откуда будет и каковы его намерения?

– Мой дядя – синьор Алонзо Альтьери.

Мужчины подняли возмущенный шум – очевидно, они никогда не слышали этого имени. Как и я – до последней беседы с братом.

– И он будет ожидать меня для решения вопроса о замужестве в ближайшем будущем.

– Позвольте, мадонна, будет ожидать вас... где?

– Во Флоренции. Я отправлюсь к дяде во Флоренцию.

Глава 2

– Клариче! Стой, да погоди же ты! Какой дядя? Какая Флоренция?!

Контессина едва поспевала за мной, продолжая сыпать встревоженными восклицаниями.

– Объяснишь же теперь, что это было? – спросила она, как только массивные двери кабинета захлопнулись за спиной.

Пока Контессина прижимала руку к груди в попытках успокоить дыхание, я опустилась за стол. Он обдал успокаивающим запахом старого дуба и бумаги – мои пальцы почти не дрожали, когда я обмакнула кончик пера в чернильницу.

«Многоуважаемый синьор Альтьери, дорогой дядя...»

– Клариче! – вскрикнула кормилица. – Поговори же со мной! Откуда взялся этот дядя? Неужто ты соврала синьорам?!

– Врать – грешно.

– Милая... – Присмирив, Контессина села напротив. – Милая, бедная Клариче... Носишь в себе тревоги, носишь, слова лишнего не скажешь, а потом взрываешься подобными выходками... А как могло быть иначе? Вспоминая покойную Маддалену... – Я подняла на нее предупреждающий взгляд. – Ты знаешь, что я лишь добра хочу. Растила тебя как собственное дитя, была рядом, когда ты и первого зубика лишилась, и родителей, одного за другим... Скажи, разве не заслужила я прямого разговора после всего, что сделала? Молю, поговори же со мной!

Я отложила перо. Как бы сильно ни любила я кормилицу, говорить я не любила не меньше.

– Я не солгала. Антонио назвал имя и адрес дяди перед тем, как лихорадка забрала его. Алонзо Альтьери – двоюродный брат Маддалены, проживающий во Флоренции. Она нелестно о нем отзывалась, но этот дядя – единственный родственник, которого знал Антонио.

– Ты хочешь вверить судьбу человеку, которого никогда не видела, о ком твоя матушка отзывалась плохо, вместо того чтобы послушать синьоров Тосканы? Почему, Клариче?

– Во-первых, это выиграет мне время. Требуется отправить письмо, затем нанести визит, затем он начнет поиски жениха. Процесс небыстрый. Во-вторых, синьоры Тосканы желают получить богатства винодельни в свои руки.

– Как пожелает и любой из тех, кого найдет этот непонятный Альтьери!

– Да, но все из списка Ринальди мечтали бы сами управлять винодельней. Взгляни. – Я передала кормилице лист с фамилиями, которые синьоры умоляли рассмотреть. – Все, кого они предлагают, отстранят меня от дел, возьмут управление в свои руки. Сын Сальвини прямо говорил Антонио, как бы он распоряжался виноградниками, будь его винодельня столь же большой, как наша. А я хочу управлять сама. И буду.

– И как новоявленный дядя поможет в этом?

– Я объясню ему положение дел, взывая к родственным чувствам или к алчности. Подкуплю. Попрошу найти мне мужа-флорентийца.

– Ф-флорентийца?! – пискнула кормилица так испуганно, будто самого дьявола помянула.

– Да. И не простого флорентийца, но вхожего в синьорию – такой не сможет и не захочет покидать город. А значит, не будет принимать участия в управлении винодельней и проживать здесь постоянно. Зато сможет рассчитывать на доход и рождение наследников. Мне – защита, право управления и наследники, будущему мужу – свобода, деньги и наследники. Выгодная сделка.

– Сделка? – Взгляд Контессины смягчился, и расцветшая на устах улыбка превратилась в раскатистый смех. – Сделка! Клариче, милая, только ты могла сказать такое!

Что смешного? Разве же брак – не сделка?

– Девушке положено мечтать о любви и браке с человеком, который сможет это чувство пробудить! Клариче, ты баснословно богата! Титулована! Образованна! Ты можешь выбрать любого юношу, какого пожелаешь! Так почему не допускаешь даже мысли, что сможешь вступить в брак по любви?

Вопрос заставил стиснуть зубы.

Потому что невозможно любить убийцу. Это я запустила цепь событий, что оставили в живых одного лишь Антонио, разве же можно полюбить подобное чудовище? Я не хороша для любви. Ничто во мне не хорошо. Кроме нюха. Ему и посвящу жизнь – ему и наследию рода Висконти.

– Потому что я должна думать о благе семьи.

– А кто подумает о твоём благе?

– Ты.

– Ох, Клариче... – Она покачала головой. – Я всегда лишь о нём и думаю. Но будет не просто заботиться о тебе отсюда.

– Не будет, если поедешь со мной.

– Я?! Во Флоренцию?! В оплот разврата и безбожия?!

– Хочешь отправить меня туда одну?

– Какая же ты... И послал же Господь испытаний на старости лет несчастной Контессине! Пусть Он теперь проследит, чтобы твой план сработал, Клариче. Я очень на это надеюсь.

И я надеюсь. Другого у меня нет.

Я вскочила с постели с болезненным вскриком. Простыни липли к вспотевшей спине и спутанным волосам. Грудь содрогалась от рваного дыхания, когда я прижала к ней крест из гранатовых камней, пытаясь прийти в чувство.

Магдалена.

Снова снилась мне. Снова и снова нападала на меня, снова и снова вопила: «Замолчи! Замолкни! Чтобы ни звука я от тебя не слышала более!». Снова и снова дедушка оттаскивал мое слабое тельце, скрывая за собой от обезумевших черных глаз. Я видела эту сцену сотни раз, но всегда просыпалась в холодном поту, пережив ее заново.

Это лишь сон. Она давно в земле, а я более не глупенькая девочка, неспособная за себя постоять. Лишь сон. Надобно исповедаться перед отъездом.

Сквозь резные окна в покои робко заглядывал рассвет, предрекая скорое пробуждение лугов Тосканы, но воздух еще пах ночью – его сладкая прохлада наполняла легкие, примешиваясь к аромату вина. Моему собственному. Я поднесла ладони к носу и с упоением вдохнула.

Вино.

Я всегда пахну им. После сна ли, тяжелых дней на виноградниках, после душистых купаний запах вина остается на мне. Он пропитал меня изнутри, просочился под кожу, в волосы, стал неотъемлемой частью. Стал мной. Единственным предназначением. Страстью. Всей моей жизнью, ибо только в служении винодельне Висконти она и заключалась.

А иной мне не нужно.

Еще раз втянув родной аромат, я окончательно сбросила кошмар и начала этот день. Последний день в особняке Висконти.

Дорога до церкви выдалась спокойной. Контессина со служанками щебетали о грядущем отъезде, а я безмолвно слушала, стараясь отгородиться от тяжелых мыслей. Хоть поводов для переживаний и было достаточно, я предпочитала запира́ть их где-то глубоко внутри, предаваясь действительно важным размышлениям – о сроках замены бруса в рычажном прессе, которые назвал плотник.

Запах ладана объял меня раньше, чем нога переступила порог скромной церкви из белого камня.

– Мадонна Висконти! Здравствуй, дитя. – Пожилой священник встретил теплой улыбкой, и на душе полегчало. Поклонившись, я поцеловала его руку.

– Buongiorno¹, отец Александр. Могу я исповедаться?

– Конечно, конечно. Вот только не мало ли времени прошло с прошлого раза? Что-то случилось, Клариче? – Отец Александр знал меня еще с тех пор, когда был жив дедушка, а потому подобное обращение ничуть не смутило.

– Нет, но мне предстоит покинуть дом – не хочу ехать с тяжелым сердцем.

– Покинуть дом? Но ты никогда не покидала винодельню Висконти... – В добрых глазах появилась настороженность. – Пойдем, дитя.

Полы черной сутаны зашуршали по мрамору, и я направилась вслед за ним в исповедальню.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь, – прошептал он, задернув винного цвета штору.

– Аминь. Простите, святой отец, ибо я согрешила.

Крошечные пылинки танцевали в единственном лучике света, обогнувшем край бархатной ткани. Наблюдая за их причудливым хороводом, я начала исповедь, которую произносила здесь тысячи раз. Которую знала наизусть.

– Я стала причиной смерти моего брата Лоренцо, когда тот был еще ребенком. Я попросила его не прятаться в виноградниках, из-за чего он полез в озеро и утонул. Я стала причиной смерти моей нерожденной сестры, которую Маддалена не смогла доносить из-за постигшего ее горя. Я стала причиной ее безумия и скоропостижной кончины. – Ослепительная вспышка вины пронзила сердце, и я со всей силы надавила на грудь ладонью, заталкивая боль обратно. – Мой отец... Марко Висконти скончался двумя годами позже, не пережив разлуки с женой. Я стала причиной четырех смертей, святой отец, и молю о прощении за каждую из них.

– Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды. Твое раскаяние раз за разом продолжает окроплять эти стены, невзирая даже на то, что в глазах Господа на тебе нет вины. Дитя не желало плохого ни брату, ни родителям, а потому его деяние давно отпущено, Клариче. – Он произнес это чуть более серьезно, чем обычно. – Что еще тревожит тебя?

Я опустила руки. Опустила и взгляд на сцепленные ладони.

– Хочу просить благословения в дорогу, святой отец. Завтра я отправляюсь к своему двоюродному дяде во Флоренцию.

– У тебя есть дядя? – Тихий голос зазвучал бодрее. – Ах да, припоминаю... Припоминаю твою матушку, чей род был благословлен плодовитостью. Зачем же тебе к нему ехать?

– Чтобы обсудить вопрос замужества.

– О! Какое богоугодное дело, Клариче! Благословляю тебя, Господь да будет впереди тебя, чтобы указать верный путь и охранить от перипетий его. Господь да направит стопы твои в мире, и поддержит тебя в мире, и приведет тебя к им задуманному да уготованному тебе. Аминь.

– Аминь. Благодарю, святой отец. Во время моего отсутствия вино для причастия будет привозить Паоло – мой виноградарь, я оставлю распоряжение.

– И долго тебя не будет, дитя?

– Не знаю.

– Дядя не писал, сколько времени могут занять поиски мужа?

По правде сказать...

¹ Доброе утро (ит.).

– Он не ответил на мое письмо. – Я сглотнула внезапно появившуюся во рту горечь. – Должно быть, занят приготовлениями к принятию гостей.

– Отчего не хочешь дождаться ответа?

– Не могу, святой отец. Прошло больше двух недель. Мужи Тосканы настаивают на скором браке, и я боюсь, что не сумею противостоять их натиску.

– Вот как... Знаешь ли ты что-то об этом дяде? Флоренция – пристанище как для истинных братьев и сестер в вере, так и для людей, что не познали Бога или вовсе отвернулись от Него.

– Не знаю ничего, кроме адреса и имени.

– Ох, дитя... Что ж, не суди по наружности, но суди судом праведным.

– И «суди не по виду, а по справедливости». Помню, святой отец.

– Пусть слова эти служат тебе путеводной звездой, Кларице. Благословляю тебя. И буду молиться за тебя. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

– Аминь.

Прощаясь с домом, Контессина рыдала так, будто оставляет его навсегда и уезжает по меньшей мере на другой край света, а не в соседний город. Ее всхлипы затруднили прощальные напутствия виноградарю и счетоводу, благо для каждого я написала подробный список дел, которые следует выполнить во время моего отсутствия. Передала также адрес дяди и, в последний раз вдохнув запах отчего дома, села в карету.

Дорога предстояла не далее дня пути, и этот день я пожелала провести в чтении и молитве. Карета мягко раскачивалась из стороны в сторону, впуская внутрь свежий запах тосканских лугов с каждым новым оборотом колес, и я даже успела раскрыть молитвенник и выхватить несколько строк, когда Контессина зашептала с тревожным предвкушением:

– Ну! Как думаешь, каков он?

М?

Я оторвалась от книги лишь на миг, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Алонзо Альтьери. Как думаешь, каков он?

Я пожала плечами.

– Что ж, он несносен, об этом уже сейчас судить можно! – всплеснула руками кормилица. – Так и не ответил на письмо! Уму непостижимо! Должно быть, старательно готовится к встрече, раз даже свободной минутки нет, чтобы черкнуть ответ. Сама принцесса Тосканы едет, уж должно подготовиться как следует! Но и мы славно подготовились... Сколько, говоришь, бочек вина везем?

– Четыре.

Я вернула взгляд к пожелтевшим страницам. Нет толку гадать, каким окажется дядя, – мне надобно выйти замуж за человека, которого он предложит. И больше я его не увижу, стало быть, и переживать об этом не стоит.

– Надо же... – бубнила Контессина. – Чем, интересно, он Маддалене насолил, раз та о нем отзывалась плохо? Вероятно, точно так же на письма ее не отв... – Договорить она не успела.

Карета замерла так резко, что я чуть не влетела лбом в противоположную стену, едва успев выставить руку. Сердце упало вместе со мной – упало, а затем взмыло куда-то к горлу, где затрепетало от испуга.

*Signore misericordioso!*²

– Ах! – вскрикнула Контессина. – Да что ж это!

² Господь милосердный! (ит.)

– Простите, мадонна, простите! – зазвенел голос кучера снаружи. – Приношу тысячу извинений! Но далее нельзя ехать!

Что значит «нельзя»? Приказано ехать, значит, можно!

Отворив дверь, я немедленно вышла из кареты, чтобы направить на мужчину испепеляющие лучи гневного взгляда.

Как смеешь?!

– Мадонна! – Перепуганное лицо было бледнее недоспелых ягод «требьяно». – Там... Там... – Он схватился за поводья и принялся терзать их в руках. – Там кошка!

– Что за вздор? В своем ли ты уме? Забыл, кого везешь?

– Не забыл, не забыл, мадонна! Но кошка проклята – пойдите да поглядите! Не бейте и не гневайтесь, молю, сами взгляните! Ежели такая под колеса бросилась, точно ехать нельзя! Дурной знак, мадонна, очень дурно-о-ой!

Его завывания лились в спину, когда я, подняв тяжелые складки платья, приблизилась к крохотному существу посреди дороги. Чернее летней ночи, но припудренное пылью, злополучное создание неподвижно припадало к земле, будто напрашиваясь на быструю кончину под тяжестью колес.

А ну, прочь с дороги!

Ей хватило дерзости не повиноваться мысленному приказу. Вместо этого кошка подняла мордочку, и я приросла к месту, вмиг поняв, чего испугался кучер. С одного пушистого тельца на меня глядели два совершенно разных глаза. Один – зеленый, как кислые яблоки, второй – коричневый, как жареные каштаны.

Разноглазая... Проклятая! У таких зверей по две души, сам дьявол наказал!

Встрепенувшись, животное вдруг начало наступать меня, и я отшатнулась, крестясь.

– Прочь! Уходи!

Но даже угроза властного тона была бессильна – проклятый комочек продолжал приближаться, пока не добрался до самых складок черного платья. Кошка вмиг слилась с ними и, обратив на меня взгляд разноцветных глаз, издала звук.

Жалобный, умоляющий писк.

Показалось, что этот тоненький звук проткнул меня насквозь. Я посмотрела на бескрайние луга Тосканы вокруг, ища в них спасения.

Посевы убрали. Нет мышей... Тебе нечего есть. Ты в опасности здесь. В родном доме.

Кошка вновь запищала, кружа у моих ног, тычась в них мохнатым лобиком. Так жалобны были ее крики, так пронзительно глядели ее глаза, что все внутри у меня все перевернулось.

«Здесь ты с голоду помрешь или под колесами окажешься», – подумала я, но проклятое создание не слышало моих мыслей, продолжая жалобно кричать да тереться головой о мои ноги. Сердце замерло. Шум его стих.

– Глупая! – зло шикнула я, подхватывая пушистый комочек.

От нее так разило молодой травой и землей, что пришлось нести кошку на вытянутых руках, дабы не пропахнуть и не запачкаться.

– Мадонна... Вы чего это... Мадонна?

Пропустив изумление кучера мимо ушей, я запустила кошку в карету и захлопнула за нами дверь.

– Едем! – Оклик вышел взволнованным, никак не приказным.

– Клариче, что ты...

– Это кошка. Едем! – повторила я, постучав кулаком по крыше.

Спустя несколько мгновений кучер все-таки соизволил тронуться, а я смогла откинуться на обитую бархатом стену и закрыть глаза. Еще с четверть часа встревоженное сердце возвращало привычный ритм – благодатные минуты молчания, которые были прерваны кормилицей.

– Клариче, она... Она проклята. Как мы заявимся с ней к синьору Альтьери?

Я качнула головой, не открывая глаз.

Не знаю! Ничего не знаю, я вовсе не хочу к нему заявляться! Не хочу покидать дом, не хочу выходить замуж! Не хочу, чтобы Антонио умирал и оставлял меня одну разбираться со всем этим!

– Клариче... Ты можешь поговорить со мной.

Ком поднялся к горлу.

«Замолчи! Замолкни! Чтобы ни звука я от тебя не слышала более!»

Нет. Если в моей власти спасти хоть кого-то в учет забранных жизней, пусть даже это будет проклятая разноглазая кошка, я спасу.

Уста остались сомкнутыми, я не произнесла ни звука. Лишь легонько всхлипнула, когда по разгоряченной щеке скатилась слеза.

Глава 3

Запахи выдали приближение Флоренции задолго того, как карета въехала в городские врата, а колеса задребезжали по мощным улицам. Ароматы вспыхивали, смешиваясь друг с другом, и я пыталась дышать как можно глубже, чтобы разделить их и понять, что из себя представляет город.

Обожженный кирпич и глина – нагретые дневным солнцем, но остывающие в прохладе ночи. Люди. Много. Мужчины, пропахшие дорожной пылью и потом, надушенные женщины. Цветы и зелень, масла, хлеб, огонь, вина... и... Сколько же всего!

Голова отяжелела от обилия запахов, когда кучер наконец возвестил:

– Прибыли, мадонна!

Контессина тут же засуетилась – принялась то приглаживать мне платье и волосы, то молиться, то убеждать, что для молитв нет времени, – синьор Альтьери и так, должно быть, заждался. Я вскинула бровь, давая понять, что ее причитания излишни. Тогда она наконец застыла, зажав под мышкой нашу пушистую спутницу, которую успела очистить от пыли, и мы вышли из кареты.

Тело окунулось в ночную свежесть. Легкий ветерок подхватил подол платья, поднимая его шелест высоко-высоко вверх – туда, где кончались окна огромного здания из серого камня.

Три этажа?

Палаццо будто оглядывало меня сверху вниз, оценивало со своей придирчивой высоты, и я не могла различить, каков его вердикт. А потому, пожившись, отвела глаза – осмотрела рядок одинаковых окошек, которые сменились узкой мощеной улочкой, сплошь облепленной домами и горящими в них огнями; раздетых прохожих, что наперебой галдели и смеялись; лица посыльных мальчишек и напудренных дам; и камень, камень, камень!

Сколько людей! Шума! Камня! Никаких лугов! Никаких виноградников! Никакой тишины и спокойствия!

Через миг массивная дверь распахнулась, открывая нам низкого, но прямого старика. Седовласый, со столь пышными усами и бровями, что в их густых зарослях тонули и глаза, и губы, незнакомец воплощал собой самую невозмутимость. Запах почтенной старости, чернил и масла подсказал, что передо мной слуга.

Контессина отчего-то нервно рассмеялась, отвечая на его поклон со свойственной ей торопливостью.

– Ах, buonasera³! Ох! Сколько же огней! Что ж, мы прибыли к мессиму Альтьери – ох, что ж это я! Мы – это достопочтенная донна Висконти. Да вы и сами, должно быть, знаете, мессир Альтьери ожидает нас!

Незнакомец не сдвинулся с места, внимая сбивчивым речам с видом беспристрастной статуи. Затем медленно, со старческой неторопливостью перевел на меня взгляд, которого, впрочем, я не видела из-за бровей, и вздохнул так тяжело, будто мы обе уселись грузом на его покатые плечи.

– Мадонна Висконти, – неспешно поклонился он. – Стало быть, письмо с виноградным гербом было от вас. Мессир Альтьери счастлив принять вас, но был вынужден отлучиться по неотложным делам. Прошу, входите. Меня зовут Луиджи.

Старик отступил в сторону, и мне открылся внутренний двор такой красоты, что я перестала рассуждать, что за неотложные дела заняли дядю в ночи.

За фасадами, выходящими в город, от взглядов многочисленных прохожих скрывался сад. Соседствуя с каменной кладкой, лимонные деревья раскидывали в стороны ароматные

³ Добрый вечер (ит.).

ветви, кусты роз пестрели бутонами под огнями факелов, и лозы зеленого плюща обвивали стены озорными змейками.

Залюбовавшись красотой, я отстала от остальных и нырнула в водоворот ароматов, что царил здесь. Один из них оказался неожиданным – вздыбился белым гребешком на общей лазурной волне.

Пахнет деревом! Вернее... Деревянной стружкой?

– Клариче! – отвлекла кормилица, исчезая в арках дома, и я поспешила за ней.

Внутреннее убранство палаццо поразило не меньше зеленого дворика. Особняк Висконти был очарователен деревенской простотой, этот же дом изумлял роскошью. Потолки белого камня изобиловали фресками, поражающими своей реалистичностью, полированную мебель красного дерева венчали золотые ручки, а стены украшали массивные гобелены и картины в золотых рамах.

– Мадонна желает отужинать? – спросил Луиджи.

От одной мысли о поздней трапезе меня затошнило, и я мотнула головой.

– Желаю лишь беседовать с синьором Альтьери. Он не оповестил, когда вернется?

– Боюсь, что нет. Вы устали с дороги, а мессир может задержаться. Извольте отдыхать, а с мессиром Альтьери поговорите утром.

Раздосадованная подобным решением, я все же согласилась коротким кивком.

Спустя пару часов суетливых распоряжений кормилицы, подготовки комнат, которые отчего-то не были готовы, я наконец опустилась на ложе. Контессина, сжимающая серебряный гребень в морщинистых пальцах, расчесывала мне волосы, и мягкие блики расплзались по чужим стенам.

Все здесь пахло иначе. Все было не как дома. Все уже шло не по плану, и от этого неприятный холодок то и дело скатывался по спине. Кошке новое место тоже пришлось не по нраву – удивительно, учитывая, что до этого она прозябала на пыльной тосканской дороге. Но, только заскочив в роскошные покои, проклятое создание юркнуло под кровать и еще ни разу не покинуло укрытия.

Как бы я хотела спрятаться там вместе с тобой.

– Каков нахал! – бубнила Контессина. – Завтра, должно быть, раскраснеется пуще твоего винограда... мадонна Висконти приехала, а он и пропустил, пока по делам бегал. Стыдиться по гроб жизни будет! Жаль только, что прямые такие...

М?

Я обернулась.

– Волосы. Говорю, жаль только, что прямые такие, ровные, как озерная гладь, были бы кучерявые, как у матушки, не такой вид строгий был бы...

От упоминания озера и Маддалены в одном предложении я едва заметно вздрогнула.

Контессина это не со зла. Никогда ничего со зла мне не делает, даже сейчас – сама едва уставшую голову держит, а все равно, совсем как в детстве, меня расчесывает.

Я аккуратно забрала гребень и отложила на шелковые простыни.

– Дальше я сама. Спасибо, Контессина.

– Да за что ж, милая? Контессина лишь делает что надобно. В этом городе должен быть хоть один человек, который знает, что за грозным ликом мадонны Висконти скрывается раненое сердце. Доброй ночи, Клариче.

Погасив свечи, она покинула мои покои, а я провалилась в беспокойный, отрывистый сон.

– Ах! – Невольный крик вырвался из легких.

Я пробудилась так резко, словно на голову бочку ледяной воды перевернули. Сердце торопливо забилося под двумя когтистыми лапками, а перед лицом в бесстыдной, непозволительной близости сияли два разноцветных глаза. Так близко, что ничего, кроме них, я и не видела.

Signore, abbi pietà⁴, зачем же так пугать?

Наглое животное стояло у меня на груди. Длинные усы поблескивали в первых солнечных лучах, розовый носик подрагивал, принюхиваясь, глаза зловеще округлились.

Надо же, совсем беззвучно забралась! Я запрещаю прыгать в постель! Что тебе нужно?

Она едва приоткрыла пасть, чтобы мяукнуть, и два крошечных клыка устрашающе обнажились.

Ах, ты, должно быть, голодна. Я тоже. Что ж, тогда пора нам начинать этот день. Поговорить с мессиром Альтьери, прийти к соглашению и вернуть все на круги своя. Но для начала слезь! А ну, живо! Брысь!

На этот раз комочек исполнил приказ, и мы начали приготовления к завтраку и долгожданной встрече с дядей.

Которой, впрочем, не случилось.

– Мессир Альтьери все еще отдыхает, мадонна, – невозмутимо отвечал Луиджи. – Извольте дожидаться обеда, я приглашу вас.

Его умиротворенное спокойствие гневил даже больше сказанных слов.

Неслыханная наглость! Это какая-то интрига, чтобы набить цену, – заставить принцессу Тосканы ждать, чтобы была сговорчивее?

Разумеется, вслух я ничего не сказала. Проглотив досаду, проглотила и завтрак, проследила, чтобы кошке досталось молока, и вернулась в покои. Там помолилась, написала Паоло, почтала, прослушала сетования Контессины на тему беспечности новоявленного дяди и в тысячный раз повторила свои условия.

Жених. Он спросит, какой мне надобен жених. И тогда я отвечу, что...

Что мне требуется мужчина крепкого здоровья, чтобы никакой из недугов не испортил наследную кровь. Возрастом почтенным, таким, чтобы оставил меня вдовой достаточно скоро, но не настолько, чтобы вновь взволновать синьоров Тосканы. Чтобы был вхож в синьорию и непременно имел намерение прожить во Флоренции, а винодельней вовсе не интересовался. Титулован и из именитой семьи, с безупречной репутацией, это само собой разумеется...

Оплата. Дядя, конечно, захочет золота и если глуп, то запросит процент от приданого. А если умен, может и на долю винодельни покуситься, чему, разумеется, не бывать. Торговаться будем золотом. Что еще?..

Я задумалась, замерев напротив арочного окна, из которого лилось солнце.

Что бы посоветовал дедушка? Что бы сделал Антонио?

Громкий стук в дверь прервал размышления, заставив обернуться.

– Мессир изволил проснуться, мадонна, – раздался приглушенный голос Луиджи.

«Вот уж действительно, изволил», – мысленно фыркнула я. Приблизившись к небольшому зеркалу, пригладила складки платья, убрала за уши выбившиеся локоны. Расценив свой лик как достаточно решительный и грозный, я поцеловала братский крест и отправилась в обеденную залу.

Томленный ягненок в гранатовом соусе, печеный картофель с розмарином и маслом, фрукты и вино – столько ароматов напивывали воздух просторного зала, что я с упоением отдавалась каждому из них. Особенный интерес в моих глазах представлял кувшин, напол-

⁴ Господи, помилуй (ит.).

ненный рубиновым напитком, а потому я поспешила оставить шеренгу ожидающих мессира и подхватила его со стола.

Многое о человеке может сказать вино, которое он предпочитает. Каждый сорт обладает собственным характером и свойством, а потому не с каждым человеком сойдется. Прикрыв глаза, я принюхалась.

«Сассикайя», каберне. Тоскана, но винодельня не наша. Дубовые бочки, года два выдержки. Привкус будет деревянный, кедровый, тяжелый. Крепкое какое... И дорогое. Хм... Стало быть, и хозяин его тяжел и терпок. А еще богат и крепок здоровьем, раз подает подобное вино к обеду, который ему приходится завтраком.

– Клариче! – шикнула Контессина, подоспевшая в залу. – Кончай свои хитрости, идем сюда.

Кувшин опустился, оставляя воспоминания о винном аромате щекотать нос.

Я заняла место подле Контессины и принялась смиренно ожидать синьора Альтьери. Принцесса Тосканы. Принялась. Ожидать. Как какая-то простушка без роду и племени, ждала, когда же ее дядя соблаговолит снизойти до беседы. Чем больше проходило времени, тем глубже я оскорблялась и тем громче сердце выстукивало угрожающий марш.

Наконец к нему присоединились шаги.

Тяжелые. Грузные шаги, раздающиеся из коридора, были гораздо медленнее моего пульса – они приближались совсем неторопливо, как на прогулке, сопровождаемые задорным свистом. Я сжала руки в кулаки, поддаваясь злости, и опустила взгляд, ругая мессира Альтьери всеми известными словами, пока подол платья не накрыла тень.

– Sancta Maria, Mater Dei, ora pro nobis peccatoribus...⁵ – зашептала Контессина, зачем-то выступая предо мной живым щитом.

Тогда я решила поднять глаза. И впервые увидела дядю Алонзо.

Я обомлела. Злость, переживания о замужестве и винодельне, моя грозная броня – все осталось далеко позади, будто не существовало вовсе. В груди поселился страх.

Страх перед великаном, сплетенным из крепких мускулов, к которым льнула насквозь мокрая рубашка. Сквозь ее скользкую дымку отчетливо виднелись изгибы широкой груди, рельеф очерченного пресса, а закатанные рукава обнажали бронзовую кожу огромных рук. Столь огромных, что сомкнись они на моей шее – переломили бы ее легче соломинки.

На плечи в три меня шириной спадали мокрые волосы. Длинные и черные, с серебрищейся проседью. Крупные капли стекали с них на темную шею, задерживались меж ключиц и неслись дальше, вниз, где впитывались в распахнутую на груди рубашку. Но даже не пугающий размер мужчины стал причиной молитвы Контессины.

Подняв подбородок, я посмотрела мессиру Альтьери в лицо. И тут же сжала гранатовый крест до рези в ладони.

Глаза... Верхнее, глаз. Один.

Правый глаз его был скрыт за кожаной повязкой, левый же светился лазурью. Такой яркой, такой светлой и чистой, что на контрасте со смуглой кожей и черной бородой сиял ограненным топазом.

«Не суди по наружности, но суди судом праведным», – вспомнила я слова святого отца, которые теперь казались до нелепости бессмысленными.

Как не судить? Он втрое больше меня, и у него нет глаза! Нет! Глаза!

Все, что я видела, меня пугало. Но то, что я обоняла, пугало еще больше.

⁵ Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных... (лат.)

Мыло. Не его запах. Смыл!

Лазурный глаз великана оценивающе, пленительно-медленно прошелся по мне сверху вниз и назад.

– У нас гости, Луиджи? – Хриплый голос прогремел на всю залу, заставив меня содрогнуться.

– Мадонна Висконти прибыла для беседы, мессир.

– Висконти? Что-то знакомое. Мы с вами, часом, в Вальдано не встречались?

Я приоткрыла рот, будто собиралась заговорить. Но на деле стояла, обезоруженная и растерянная, лишившаяся и мыслей, и слов.

– Мессир Альтьери! – вскрикнула Контессина. – Мадонна Висконти – дочь Маддалены Висконти, вашей двоюродной сестры. Ваша племянница.

– А-а-а, Маддалена! – Лицо великана просияло, и, подойдя к столу в один размашистый шаг, он подхватил с блюда румяный персик. – Конечно, Маддалена, помню! Как у нее дела? Здорова ли?

Надкусанный персик скрылся за густыми усами, а его ароматный сок потек по бороде.

Здорова ли?..

Я мотнула головой, отгоняя странное видение. Мне вдруг почудилось, что моя судьба отдана в руки человека, который даже не знает, что его двоюродная сестра давно мертва. И у которого один – *господи прости* – глаз!

Ах да, это не видение. Все это теперь – моя жизнь.

– Донна давно почилла, мессир, – сбивчиво ответила Контессина. – Вы читали письмо, что мадонна отправила вам две недели назад?

– Ах, вот в чем дело. Видите ли, я был в отъезде. Вернулся на днях, не успел разобраться с почтой. Так что заставило мадонну обратиться ко мне?

– Как что? Замужество, мессир.

– О! Как славно! – Он посмотрел на меня, не переставая жевать. – Поздравляю! И вы приехали, чтобы лично меня на свадьбу позвать?

– С-свадьбу?.. – Контессина поперхнулась удивлением. – Мессир! Вы обязательно будете приглашены на свадьбу, ежели она состоится. И так уж вышло, что вы – единственный родственник, кто может позаботиться об этом! Мадонна лишилась отца и братьев до того, как те успели выдать ее замуж.

Если ранее дядя глядел на нее сверху вниз, как на перевернувшегося жучка, забавно дергающего лапками, то теперь его взгляд сделался жестче, и мне захотелось попятиться.

– Послушайте, я бы рад помочь, но у меня нет на это времени, ясно? Своих забот хватает. Можете жить здесь сколько пожелаете, присматривать мужа, а как потребуется – я дам свое благословение. Договорились?

– Нет, – отрезала я.

Ко мне вмиг обратились лица всех присутствующих – слуг, кормилицы, Луиджи и самого дяди, что посмел отказать в столь будничной манере.

Не позволю. Несколько дней дома, и не успел почти разобрать? Ночами отсутствуешь, а потом спишь до обеда? А теперь еще и отказать мне вздумал? Не позволю.

Я вышла вперед, и чем решительнее приближалась к нему, тем резче становился свежий запах мыла и аромат сладкого персика. Кормилица почтительно отошла, освобождая путь.

– Мессир Альтьери, позвольте разрешить возникшее недоразумение. Но сначала представлю вам синьору Грасс, – сказала я, указывая на Контессину. – Мою кормилицу, няню, добрую подругу для меня и всего тосканского рода Висконти.

– Погодите, тосканского рода? Маддалена же... А, постойте-ка, вино! Вино Висконти? Так вы и есть та самая принцесса вина?

– Принцесса Тосканы. Так меня называют.

– Принцесса Тосканы... – Он прищурился, разглядывая меня как нелепую безделушку, что вдруг оказалась драгоценной. – Ну конечно! И как я мог не признать, дорогая кузина!

Огромные руки распахнулись, как врата, а в следующий миг я уже была вжата в горячую мужскую грудь. Опомиться не успела, как на обеих щеках вспыхнули следы влажных губ и зацвела сладость персика, а грубые ладони накрыли мои лопатки и поясницу, пуская вспышку молнии вдоль позвоночника.

– Племянница, – поправила я, стараясь унять kloкочущее сердце.

– Да-да, конечно. Я так и сказал.

Нет. Вы сказали «кузина».

– Как бы то ни было, разговор придется отложить. – Он выпустил меня из объятий, и я тут же утерла пунцовые щеки. – Сейчас мне пора идти. Найдите меня вечером на левом берегу, мадонна Висконти, и мы все обсудим.

Идти? Да как вы... Да кто вы такой?!

Пока я задыхалась от возмущения, великан подхватил с блюда еще один персик и широким шагом направился к выходу.

– Мессир, постойте! Я прибыла, чтобы говорить с вами, и хотела бы сделать это как можно скорее.

– А я хотел бы спокойно позавтракать в одиночестве, но мы редко получаем то, что хотим. Добро пожаловать во Флоренцию, мадонна, – этот город не всегда дает то, что вы желаете, но всегда непременно то, что вам нужно.

Сказав это, дядя Алонзо покинул залу и был таков.

Глава 4

Щеки горели злостью. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы перестать глядеть вслед удалившемуся мужчине, прежде чем я развернулась к Луиджи.

– Что за левый берег?

– Левый берег реки Арно, мадонна.

– Реки?! Клариче! – очнулась Контессина. – Я пойду с тобой!

Я оглядела встревоженную кормилицу, в чьих глазах заплескалась тревога, служившая бледным отражением моих собственных переживаний – от одной мысли об открытой воде кровь отхлынула от лица. Стало зябко, и я подавила порыв обхватить себя руками.

– Не стоит, Контессина, благодарю. – Я повернулась к Луиджи: – Когда мне следует быть готовой?

– К закату, мадонна. Я сопровожу.

Сжав кулаки от недовольства, я покинула обеденную залу, так и не притронувшись к еде.

Гнев – серьезный грех. И тем не менее именно ему я предавалась до самого заката, меря шагами просторные покои, переживая дерзость мессира Альтьери вновь и вновь, выдумывая, как стоило держать ответ.

Стоило сказать, что он беспечный нахал. Или припугнуть моим положением. Стоило... пригрозить, что ему вовсе не захочется занять врага в моем лице! А именно им я и стану, если потребуются пересекать реки!

Злость требовала выхода, и я возжелала пнуть резную ножку стола – даже отдернула подол платья, но вовремя сдержалась. Гнев остался внутри, надежно запертый.

К моменту, когда Луиджи постучал, я привела чувства и разум в привычное согласие – заткнула первые и прислушалась ко второму. Он твердил, что я смогу и переступить воду, и договориться с несносным великаном, если буду помнить о цели. О будущем винодельни и рода Висконти.

Все ради семьи.

У порога палатки я помедлила. Поцеловала братский крест, сдаваясь короткой слабости – мысли, что Антонио справился бы со всем этим в два счета, что я вовсе не подхожу. И, глубоко вздохнув, шагнула во Флоренцию.

Жизнь блистательного города хлынула на меня со всех сторон – густой запах кожи, нагретого камня, дыма, свежего хлеба, а над всем этим – кислая, почти винная нота людских тел, пота и тепла. Голоса били по ушам отовсюду сразу: грубые, смеющиеся, торгующиеся, молящиеся; звон монет, скрип телег, цоканье копыт, удар колокола, от которого даже в голове зазвенело. Я съежилась под взглядами десятков чужих глаз – бесстыдных и раскованных, подавила желание слиться со стеной.

Мы пустились вниз по одной из узких улочек – сколько же их переплеталось в этом каменном городе! Мне показалось, каждая из них имела свой характер, каждая пахла совершенно особенно, дышала совершенно иными разговорами.

– Пошел прочь, чтоб глаза мои тебя не видели! – кричала из окна пышная синьора, угрожающе размахивая тряпкой.

– Прости дурака, amoге mio⁶, прости! – орал шатающийся мужчина, высоко задрав голову. – Первенец родился у Витторио, да разве ж взял бы я на душу грех не выпить за его счастье?

На соседствующей улочке пара старалась растворить интимный шепот в доносящихся криках. Пока синьор с упоением целовал пальцы смущенной девы, та оглядывалась, не видит ли кто их тайное свидание.

Пожилая синьора ругалась на озорников-мальчишек, что побили глиняные горшки с цветами; закадычные друзья хохотали, попивая вино из бурдюков прямо на ходу; юные девы смущенно хихикали, доверяя друг другу сердечные секреты.

Все они говорили, кричали, ругались, целовались! Казалось, у каждого в этот самый миг происходило больше событий, чем случилось со мной за последний десяток лет.

Прав был отец Александр, не все в этом городе боятся Бога!

И все же где-то глубоко внутри, под зловещей толщей вод Санта-Луче, во мне поднималось странное, постыдное изумление – будто этот шум, грязь, эта пугающая полнота жизни зачем-то ждала меня.

Отгородившись от цветущих голосов и ароматов, я подняла глаза, лишь когда почувствовала солоноватый запах заводи.

Река. Пришли.

– Понте-алле-Грации, – сказал Луиджи, когда мое тело окаменело, не желая сделать и шагу вперед.

Мост. Всего лишь мост. А под ним река. Лишь река. Она вовсе не хочет поглотить меня бурными водами, не желает унести трепещущее тело далеко на север, лишая воздуха, запахов и самой жизни.

– Мадонна? Что-то не так?

– Н-нет, – неуверенно ответила я. – Скажи, Луиджи, мост... крепок?

– Девять каменных арок держат его на воде, и на моей памяти ни одна из них не давала трещин. Через него переправляют обозы с овощами, потому что он широкий.

Слова слуги были успокаивающими, но липкий страх уже схватил за щиколотки, крепко прижав мои ноги к вымощенной камнем земле.

Это такая же суша, как та, на которой я стою. Она выдерживает продовольственные телеги, значит, и меня выдержит.

Я взяла Луиджи под руку, как только высвободилась из лязгающих оков ужаса.

Не буду смотреть на воду. Только вперед.

Плеснувшая в лицо паника показалась ледянее вод Арно, а потому я задержала дыхание и прибавила шаг, заставляя Луиджи поспевать за собой, пока мы наконец не ступили на другой берег.

– Ах... – облегченно выдохнула я, выпуская вместе с воздухом и животный страх.

Пальцы разжались, тошнота отступила от горла. Единственным напоминаем о пережитом теперь служила холодная испарина, покрывающая лоб, и я поспешила украдкой ее смахнуть.

– Предпочтете дальше идти по улицам, а не вдоль берега, мадонна?

О да!

– Да.

– Как пожелаете.

Мы продолжили путь по улочкам, более широким, нежели на правом берегу, за что я была безмерно благодарна. Запах здесь стоял иной – больше вина, больше масла и глины, больше шумных молодых синьоров, чьи рубахи и руки были вымазаны краской. К счастью, синьор Альтьери нашелся быстро.

⁶ Любовь моя (ит.).

Шумный каба́к, из которого тянуло выпивкой и жареным мясом, выплюнул его огромное тело из дверей под задорный гитарный бой. Кажется, чье-то тоненькое запястье игриво махнуло вслед, прежде чем скрыться во всполохах пьяного веселья.

– О! Племянница! – Великан расплылся в удивленной улыбке, будто приветствовал старого друга, случайно встреченного после долгой разлуки.

Горячие губы оставили поцелуй на моей руке, а единственный глаз задорно блеснул, оглядывая меня с ног до головы. Я и не знала, что меня возмутило больше – то, как бесстыдно он это делал, или дела, ради которых он отсрочил судьбоносный разговор. Дела развлекательные и бесполезные – дядя точно выпивал и курил: запах крепкого вина соседствовал с терпким ароматом табачных листьев и искристого огня.

Что ж, зато облачение его в этот раз было сухим. Волнистая грива была подобрана лишь сверху, а нижняя часть спадала на широкие плечи – в ней отчетливее светились всполохи седины.

– Хорошо провели день, мадонна?

Нет, не хорошо, я весь день ожидала встречи с вами.

– Благодарю, прекрасно.

– Рад слышать! Луиджи, ты свободен. – Слуга поклонился и исчез в хитросплетениях каменных улочек. – Ну, раз вы из Тосканы, стало быть, Флоренцию знаете, и ничем здесь я вас удивить не смогу. Но все же постараюсь! Есть на уме одно место, которое, раз уж вы принцесса вина, вам точно придется по душе.

– Принцесса Тосканы. И я никогда не бывала Флоренции.

– Живете в дне езды и никогда здесь не бывали?

Я качнула головой.

– И сегодня не прошлись по городу?

Ответила тем же жестом, а он вздохнул, потирая бронзовую шею.

– Что ж, в таком случае вам несказанно повезло – вы отыскиали лучшего сопровождающего из коренных флорентийцев. Буду счастлив представить вам сердце нашей великой республики, мадонна.

Он предложил мне локоть, а я постаралась даже мысленно не оценивать тугие мышцы рук под пальцами. И, огибаемые многочисленными прохожими и их запахами, мы отправились к центру Флоренции.

Путь лежал на правый берег Арно, но дядя повел через другой мост – удивительный и прекрасный Понте-Веккьо. Бесчисленное количество лавок смыкалось над ним крышами, образуя единый торговый ряд и надежно скрывая воды реки, а потому мне удалось не выдать страха.

– Итак, мадонна Висконти, дочь Маддалены, – улыбочиво произнес дядя, сойдя на сушу. – Вам требуется выйти замуж?

Я кивнула.

– Потому что у вас не осталось ни отца, ни братьев? – Кивнула вновь. – И вы впервые прибыли во Флоренцию, чтобы обратиться к ближайшему родственнику для решения этого вопроса?

На очередной кивок он ответил усмешкой. Голубой глаз оценивающе смотрел на меня, поблескивая интересом.

Что смешного?

– Жить так близко и никогда не бывать во Флоренции... А вы не слишком разговорчивы, да?

Я поджала губы. Дома все знали о моей немногословности, а потому сотрясать воздух оправданиями не приходилось.

– У меня не было здесь дел.

– А как же любопытство? Неужели никогда не задумывались, что за город такой породил талантливейших живописцев Европы? Город папских банкиров и кость в горле Миланского герцогства?

Подобное любопытство отвлекало бы от винодельни.

Я пожала плечами.

– Что ж... Это будет непросто, – вздохнул он, переводя взгляд вперед.

Закат укрывал розовыми лучами наши плечи, удлинял тени на мощеных улочках. Те сменяли друг друга, заводя все глубже в лабиринт города, из которого я никогда бы не выбралась без мужской руки.

Многочисленные прохожие теперь вели себя совсем иначе – кто-то из мужчин шумно приветствовал дядю прямо по имени, кто-то склонялся в пояс, учтиво шепча «мессир Альтьери», а кто-то и вовсе налетал с объятиями. Сложилось впечатление, что он знает весь город, и я начала терять терпение, когда приветствие очередного мессира обернулось залиистой беседой на четверть часа. К счастью, мне хватило такта не прервать их прежде, чем друзья тепло распрощались, и дядя наконец вернул свое внимание мне.

– Итак, о чем мы... Ах да, замужество! Вы выбрали подходящее место – во Флоренции полно достойных мужей, но для толкового решения мне потребуется узнать больше о вас. Расскажите, мадонна, какая вы?

Огромная рука едва не выскользнула из пальцев – я замерла от неожиданности.

– Разве же вам не требуется узнать, какого мужа я хотела бы найти?

– Само собой. Но для этого и нужно знать, какая *вы*. Что любите. О чем мечтаете. Чем хороши, чем плохи... Кроме грозного лика, конечно, – хохотнул он, а я обомлела, не веря своим ушам.

Вы... да вы...

– О, что за взгляд! Осторожнее, принцесса, под таким взглядом и твердь подо мной развернется, и кто тогда вам мужа будет искать? Не гневайтесь, это я в шутку.

– Более так не шутите, мессир, – процедила я сквозь зубы и, отпустив его руку, продолжила путь самостоятельно. – Скажите лучше, чем любите заниматься *вы*. Кроме того, как плохо шутить.

– О, бьете в самое сердце! – Он прижал широченную ладонь к груди. – Но, глядите, вы заговорили. Что ж, я люблю вино, должно быть, не так сильно, как вы, раз происходите из рода Висконти. Была бы у меня винодельня, я бы точно не женился. Я и без нее не женился, но... На то и без вина причин хватает.

Конечно хватает! Вы грубый и взбалмошный, да кто за такого замуж пойдет?

– А зачем вам муж столь срочно, что ответа на письмо не дождались?

От вас дождешься.

– Синьоры Тосканы напирали, чтобы этот вопрос решился как можно быстрее.

– И каждый хотел засватать сына за богатую наследницу, я прав?

Я кивнула.

– Вы в трауре, Клариче? – вдруг спросил он.

Взгляд единственного глаза пробежался по лифу черного платья, задержался на талии и скользнул ниже к подолу, расстелившемуся по розовым пятнам заката.

– Траур по брату закончился год назад, мессир.

– Мои соболезнования. Позвольте спросить, почему он не подыскал вам мужа ранее? Вы выглядите достаточно взрослой. Сколько вам, двадцать? Двадцать пять?

Антонио ничего не делал против моей воли. Любил меня, доверял мне. Он позволял заниматься вином, пока сам сидел за счетами и налаживал связи. Он с уважением относился к моему нежеланию вступать в брак.

– Двадцать два. И я не хотела.

– А сейчас, стало быть, хотите?

– Это не имеет значения.

– Полагаете, что ваше желание не имеет значения, раз на кону благополучие винодельни? Что ж, вы умны, Клариче. Умны, молчаливы, жестоки к себе и... Добавьте к портрету что-то еще?

Я мотнула головой.

– Значит, вот кому придется подыскать мужа – молчаливой принцессе с суровым взглядом и огромным состоянием. И какого мужчину принцесса желает видеть рядом с собой?

Наконец.

Я набрала в грудь побольше воздуха, чтобы выдать заготовленную речь.

– Порядочного, честного и титулованного. Обязательно с крепким здоровьем и в средних годах, лет тридцати пяти. И... Мне надобно, чтобы он был флорентийцем, вхожим в синьорию.

Дядя остановился, так и не шагнув на залитую закатом площадь. Небесный глаз сверкнул в недоумении.

– Разве же вы не собираетесь вернуться на винодельню?

– Собираюсь.

– Стало быть, рассчитываете, что управитель Флоренции покинет город?

– Не рассчитываю.

– Мадонна, позвольте уточнить, правильно ли я вас понял: вы желаете выйти замуж, а затем проживать с мужем порознь?

«Да. Да, это именно то, чего я хочу», – кивнула я.

– Господь всемилостивый, вы это серьезно. – Улыбка вмиг сползла с его лица, и голос сделался тише. В полшага он приблизился ко мне, обдав терпким запахом табака, и широкая ладонь сжала мое плечо. – Вы серьезно говорите, что наследница богатств Висконти – тихая и прекрасная, как весенняя ночь, – желает выйти замуж за члена синьории, чтобы тот навещал ее по праздникам, а в остальное время прохладился во Флоренции без присмотра жены?

По всему телу вдруг пробежала странная мелкая дрожь. Она растворилась где-то в солнечном сплетении, но до этого заставила приоткрыть губы и взглянуть в смуглое лицо, нависшее надо мной. Что-то взволновалось внутри, пугливо отзываясь на его слова и аромат.

Я заставила себя кивнуть. Отпустив меня, размашистым шагом дядя направился на Пьяцца-дель-Дуомо. Туда, где в нежных лучах розового солнца возвышался купол Санта-Мария-дель-Фьоре.

Пара мгновений потребовалась, чтобы дымка его слов рассеялась, лишь затем я подобрала юбки и засеменила вслед за мессиром Альтьери. Догнать его было не так-то просто – на один шаг великана приходилось три моих.

– Мессир! Что вы имели в виду? Я не шутила, когда...

– Т-ш-ш! – шикнул он.

Я опешила, дернувшись от неожиданности.

Дядя только что шикнул на меня? У меня есть дядя и он на меня шикает?!

– Мессир, при всем уважении, вы не можете так...

– Тише, принцесса. В своих попытках решить дела вы упускаете самое важное.

– Что?

– Красоту.

Дядя кивнул куда-то вверх, и мой взгляд взлетел ввысь – в пурпурные облака, лежащие на макушке соборного купола.

*Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum...*⁷

Рука сжалась вокруг гранатового креста, покуда в мыслях проносились строки молитвы. Собор Дуомо затмевал само небо, возвышался над мной белокаменными фасадами. Поверить в его рукотворность было так же невозможно, как солнцу встать на западе, а зайти на востоке.

Должно быть, Господь спустил это чудо с небес и водрузил в центре Флоренции, иначе как нечто столь монументальное могло здесь оказаться? И красивое. Боже, как же он красив!

Резные статуи глядели на меня из каменных ниш – те заканчивались где-то высоко под облаками, круглые оконца выпивали розовые лучи, втягивая их внутрь, а одно из облачков зацепилось за шпиль стройной кампанилы. Столь высокой и прекрасной, что смотреть на нее было больно – ослепляющая красота щипала глаза, а высота собора заставляла шею ныть.

И не было в нем ни сверкающей пошлости, ни непристойной вульгарности золота: Дуомо возвышался над Флоренцией с величественным спокойствием, не требующий украшений, – так пастух следит за разбредшимися в низине овечками.

Взгляд карабкался по неопишуемым фасадам, когда над ухом разлился тихий голос дяди:

– Дух захватывает, не правда ли?

– Да... – изумленно шепнула я. – Но как это возможно? Собор огромен, а купол... И вовсе не выглядит рукотворным.

– О, вы правы. Любой купол обрушил бы собор из-за своих размеров и тяжести, поэтому Дуомо строился несколько столетий. Пока не родился безумец, заявивший, что знает решение.

– И какое же?

– Сделать два купола.

Что?

– Один – внутренний, выполненный косой кладкой, как римские дороги, именно он и держит внешний с помощью множества арок. И очень успешно. Собор действительно превосходит все мыслимые ожидания, хоть на его строительство и ушло столько времени.

Несколько столетий... Столь удивительная красота, но сколь великая жертва? Что может заставить людей не покладая рук работать свыше нескольких сотен лет?

– О чем вы думаете, мадонна?

– Я... – Неловко сглотнув, я уронила взгляд под ноги.

Я могу никогда более здесь не оказаться, и он ведь сам спросил...

– Я думаю о причинах, что заставляют идти против законов природы и человеческих сил, чтобы сотворить невозможное.

Все. Сейчас решит, что я глупа, и вопросы мои глупы, и такую недалекую деву будет легко провести. Лучше бы молч...

– О, причина одна, мадонна. Мечта.

Мечта?..

– Что еще заставляет нас поверить в себя и ежедневно исполнять долг, каким бы тяжким он ни был? Зачем человечество открывает новые земли, переплывает океаны, подчиняет стихии? Что становится движущей силой новшеств, что заставляет взять в руки кисть или долото, что дарует цель, наполняет сердце радостью, а жизнь – смыслом?

Я безмолвно внимала речам, пока закатные лучики целовали его бронзовые скулы. От глаза тянулась сеть улыбочивых морщинок.

– Мечта, принцесса. Все ради мечты. О чем мечтаете вы?

Я... Что бы сказал дедушка? А Антонио?

⁷ Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою... (лат.)

– Я мечтаю жить праведно, исполняя долг наследницы винодельни Висконти.

Губы Алонзо расплылись в хитрой ухмылке, прежде чем он навис надо мной, заслоняя солнце, а черная борода защекотала шею.

– Лгунья, – шепнул он.

Щеки вспыхнули, и я отпрянула от огромного тела, как от огня.

– Вы не смеете обвинять меня во лжи. Вы... вы...

– Кто?

– Вы не знаете меня!

– Я знаю, что вы хотели сказать другое.

– Я хотела сказать, чтобы вы не судили о других, не узнав их!

– Думаю, обо мне вы суждение сложить успели.

«Как же не сложить!» – Я отвернулась от дяди, подставляя ускользающему солнцу свой профиль.

– Знаете, молчаливость – прекрасное качество для невесты, но со мной можете быть откровенны. Не со мной же вам под венец идти.

– Хвала Господу, – процедила я как можно тише, но этот едкий ответ все же достиг дяди. Грудной низкий смех эхом разлился по опустевшей площади.

– Да уж, под ваше описание порядочного синьора я не подхожу и по возрасту старше. Но есть несколько мессиров, ставших бы вам отличной партией.

– Кто?

– Не так быстро, нетерпеливая принцесса. Я готов помочь, но мне нужно знать, что я получу взамен.

– Я готова предложить...

– Погодите, нам некуда спешить, да и место не самое подходящее.

Он подал мне локоть, от которого я отказалась, своенравно вздернув подбородок. Этот жест вызвал в нем очередную волну смеха, а во мне – очередной приступ неприязни к ново-явленному дяде.

– Как пожелаете, *принцесса*.

Клянусь всеми лозами любимого «монтепульчано», этот мессир не умеет молчать!

Всю дорогу до нашей следующей остановки он непрестанно рассказывал историю города, как будто бы вовсе не понял, что меня задела его обвинения; вновь пускался в разговоры со всеми встречными горожанами, шутил и смеялся, а когда их не было на пути – призывал к беседе меня или начинал свистеть. Слова так легко соскальзывали с его языка, будто он говорил прежде, чем думал.

Замерли мы у ничем не примечательной стены, каких успели пройти тысячи. Солнце давно скатилось за горизонт, поэтому каменную кладку, как и мужественный профиль Алонзо, освещал лишь настенный факел.

– Пришли. Место, которое я хотел показать вам. Как хозяйка винодельни, вы должны оценить.

Оценить что?

Следуя взором за рукой дяди, я разглядела небольшое углубление прямо в стене, а в нем – деревянную дверцу размером аккурат с винную бутылку. Она жалостливо закрипела под стуком огромного кулака.

Такими руками виноград и без пресса давить можно.

– Джентоли-и-ини, друг, *buonasera!* – почти пропел дядя, когда дверца отворилась.

– Альтье-е-ери! – раздалось из темноты окошка, и я едва не подпрыгнула от неожиданности. – Buonasera, черт бы тебя побрал! Я уж думал, ты утоп, раз с неделю как вернулся, а не заходил! – *Утоп?! – Тебе как обычно?*

– Нет, Джентолини, сегодня – особенный случай. Со мной прекрасная гостя.

– А-а-а, Бьянка?

– Нет.

– Луиджина?

– Джентолини, давай лучше...

– Та рыженькая дьяволица из дома на Сан-Карло?

– Джентолини! – гаркнул дядя. – Со мной племянница. Сводная племянница, если быть точным.

– Сводная? – встрепенулась я.

– Да. Мой отец был приемным сыном Адриано Альтери, приходившимся вам... Кем же? Ай, давайте разберемся позже? А сейчас нам бы со сводной племянницей выпить вина, Джентолини!

– Со сводной племянницей! Шутишь, старый черт! – рассмеялся голос из окошка. – Так и скажи – привез прехорошенькую деву да племянницей назвал, чтоб люди не болтали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.